

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей**

**МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии**

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

**Материалы научной конференции памяти
Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО
(1928–2014)**

16–17 февраля 2015 г.

Санкт-Петербург

**Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016**

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель	12
Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем».....	16
С. Г. Кляшторный. Библиография опубликованных работ (2013–1951)..	21

С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников

Доклады

Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного	48
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928–21.09.2014).....	59
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа	67
Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение взаимодействия фольклора и литературы	77
Р. Ю. Почекаев. Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии.....	86
А. С. Сараев. Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного	95
В. В. Тишин. Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.	112

Тезисы докладов

И. Ф. Попова. С. Г. Кляшторный: жизнь в науке	121
А. В. Витол. «Кристаллизация» темы исследований С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг.	121
И. К. Загидуллин. С. Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен»	123
А. А. Колесников. О вкладе С. Г. Кляшторного в возрождение военного востоковедения	124
Б. Кумекоев. Светлой памяти выдающегося тюрколога, друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного	125
В. В. Тренавлов. Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник»	125
Д. М. Насилов. Сергей Григорьевич Кляшторный и российская тюркская филология.....	126
В. З. Церенов. Вспоминая С. Г. Кляшторного	127

Статьи

Т. К. Абдиев. К проблеме взаимосвязи Енисейских надписей и современного киргизского языка	128
Н. Б. Бадмацыренова. Временной порядок и формы изъяснительного наклонения в монгольском языке.....	134
А. А. Бурыкин. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин	138
Р. М. Валеев, О. Д. Васильюк. Тюркологическое наследие А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв.....	153
Г.-Р. А.-К. Гусейнов Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана и начало зарождения тюркской письменной традиции.....	160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго	167
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже	178
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории России в концепции ранних евразийцев	186
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов <i>отуз-татар</i> и <i>токуз-татар</i> древнетюркских рунических текстов	195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания)	205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана.....	216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры <i>ажо</i> и <i>иди</i> енисейских и алтайских кыргызов	229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between East and West	238
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам	247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов (семантика и локализация топонима)	257
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г.	266
Список авторов статей и выступлений	268

РАБОТЫ С. Г. КЛЯШТОРНОГО И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА VI–VIII ВВ.

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые вопросы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв. и древнетюркской эпохи VI–IX вв. в целом, нашедшие отражение в работах Сергея Григорьевича Кляшторного. Особое внимание уделено трансформации взглядов советского/российского исследователя на особенности процессов социогенеза и политогенеза у древних кочевников Центральной Азии.

Ключевые слова: Сергей Григорьевич Кляшторный, древние тюрки, Тюркский каганат, социальная история, историография, памятники древнетюркской рунической письменности, номадизм

Многолетняя научная деятельность Сергея Григорьевича Кляшторного, крупнейшего исследователя памятников древнетюркской рунической письменности, охватила различные сферы жизни древних тюрков VI–X вв. Не стала исключением и социальная проблематика в работах российского тюрколога. В ряде своих работ он проследил особенности социально-политической организации и социальной структуры Тюркского каганата и древнетюркских политических образований вообще. Хотя к ней ученый специально обратился лишь раз, в нескольких статьях середины — второй половины 80-х гг. XX в., отдельные замечания социологического характера высказывались им и в более ранних работах.

В рамках данной статьи едва ли есть возможность дать полный обзор исследований С. Г. Кляшторного, касающийся социальной проблематики истории древних тюрков VI–X вв., что, к тому же, отчасти уже было сделано П. К. Дашковским [Васютин, Дашковский 2009, с. 237–239, 248–257], поэтому мы остановимся на наиболее значимых, по нашему мнению, моментах.

Приступая к источниковедческим изысканиям над памятниками древнетюркской рунической письменности в 50-е гг. XX в., ученый в понимании социальных явлений и процессов в древнетюркской истории следовал курсу, заданному работами, прежде всего, С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, С. В. Киселева и Л. П. Потапова, подводя итоги которым С. Г. Кляшторный позже писал: «Советские... <...> исследователи сумели убедительно показать, что история тюркского и уйгурского каганатов — это прежде всего история перерастания военно-демократического и примитивно-рабовладельческого укладов в систему раннефеодальных отношений; что эти процессы происходили в неразрывной связи с социально-экономическим

развитием оседло-земледельческих центров Средней Азии и Китая; что и в степи, и в оазисах шла ожесточенная классовая борьба» [Кляшторный 1964, с. 13. Ср.: Кляшторный, Ромодин 1970, с. 154], «при этом каждое из вновь возникавших государств не повторяло в деталях путь своих предшественников, а как бы использовало их социальный опыт, следствием чего было постепенное, хотя и неравномерное развитие классовых обществ» [Итс, Кляшторный 1965, с. 159].

В своих работах, начиная с 60-х гг. XX в. С. Г. Кляшторный придерживался точки зрения о раннефеодальном характере древнетюркского общества, не изменяя его в целом и впоследствии. Толкуя социальные процессы в рамках марксистской парадигмы (расширение территории Тюркского каганата, борьба за Шелковый путь как источник обогащения верхушки, последовавшая перестройка общества, социальные противоречия и т. д.) [Кляшторный 1964, с. 21, 116–119; Кляшторный 2003а, с. 94, 162–163; Кляшторный 1973, с. 255], он, по-видимому, во многом следовал традиционной линии советской историографии [См.: Толстов 1938, с. 18–22; Толстов 1948, с. 265–268; История СССР 1939, с. 90, 96; Бернштам 1946]. Интересно, что С. Г. Кляшторный категорически выступал против трактовки древнетюркского общества как военно-демократического [Итс, Кляшторный 1965, с. 160]. Тем не менее, интерпретации социальных процессов в этом духе сохранялись и в последующих работах ученого [Кляшторный, Колесников 1988, с. 27–28; Восточный Туркестан 1992, с. 126; Кляшторный, Султанов 1992, с. 86; Кляшторный, Султанов 2000, с. 83–84; Кляшторный, Савинов 2005, с. 90–91; Кляшторный 2003а, с. 94, 429–430]¹. Отчасти искусственность некоторых таких суждений отмечалась оппонентами, ориентировавшимися на другие методологические установки [см., напр.: Кляшторный 1964, с. 26–27; Кляшторный 2003а, с. 99–101; Юдин 2001, с. 285, 286].

В дальнейшем, однако, С. Г. Кляшторный прямо поставил проблему реконструкции по древнетюркским руническим памятникам социального строя Тюркского каганата [Кляшторный 1980, с. 322], охарактеризованного им как «раннесредневековое государство», говоря о важности его

¹ П. К. Дашковским все приведенные взгляды С. Г. Кляшторного отнесены к периоду середины 1990-х — начала 2000-х гг. [Васютин, Дашковский 2009, с. 248–249], но, поскольку им рассматривается лишь второе издание монографии о памятниках древнетюркской рунической письменности [Кляшторный 2003а] и, к тому же, в ряду современных исследований, не вызывает удивления заключение, что во взглядах С. Г. Кляшторного «еще прослеживается влияние классового подхода» [Васютин, Дашковский 2009, с. 248, 249].

исследования не только как «этапа развития местной цивилизации, но и как типичной структуры “кочевой империи”» [Кляшторный 1980, с. 324].

Вместе с тем уже в начале 70-х гг. XX в. С. Г. Кляшторный приступил к специальному изучению социальных отношений древних тюрков VI–IX вв. Он быстро оценил важность работ ленинградского археолога А. Д. Грача [Грач 1966] для понимания специфики социальных процессов у кочевников Центральной Азии, тесно и непосредственно связанных с процессами этногенетическими, хотя тогда он еще не смог отойти от традиционных марксистских установок [Кляшторный 1973, с. 255].

Примечательно, что С. Г. Кляшторный всегда оставался в рамках основного предмета своих исследований — памятников древнетюркской рунической письменности — и все свои выводы основывал, прежде всего, на их данных, а не абстрактных марксистских постулатах.

Так, при рассмотрении земельных отношений в Тюркском каганате С. Г. Кляшторный, хотя и писал в традиционном для эпохи духе о праве знати распоряжаться пастбищными территориями, тем не менее осторожно высказался, что «вряд ли возможен сейчас более определенный ответ на вопрос, являлось ли это право реализацией феодальной (патриархально-феодальной) собственности на землю или было лишь эмбриональной формой феодальных отношений в многоукладном раннеклассовом обществе» [Кляшторный 1979а, с. 101]. Он, однако, показал, что, судя по руническим текстам, у древнетюркских кочевников было хорошо развито понятие племенной территории («собственной земли»), ограниченной как географически, так и политически, ведь земли покоренных народов, включенных в тюркский эль, имели иной политический статус [Кляшторный 1979а, с. 98–99]. «Посетительские» надписи Монголии, типа Хэнтэйской, С. Г. Кляшторный был склонен рассматривать как своеобразные письменные юридические «документы», фиксирующие преимущественное право пользования окрестными пастбищами в периоды весенних и зимних перекочевов [Кляшторный 1978, с. 158; Кляшторный 2003, с. 277], притом что письмо, которым они сделаны, не носило элитарного характера и использовалось представителями различных социальных групп древнетюркского общества [Кляшторный 1979б, с. 597–598].

В дальнейшем в ряде своих публикаций, хотя и сохраняя тезис о раннеклассовом характере древнетюркских государственных образований VI–X вв., С. Г. Кляшторный отмечал такую их особенность как сохранение архаичной социальной структуры. В ряде статей, вышедших в 80-е гг. XX в. С. Г. Кляшторный представил опыт исследования социальной организации и социальной структуры Тюркского каганата [Васютин, Дашковский 2009, с. 237–238]. Отмечая тесное сочетание в основе устройства Тюркского кага-

ната военно-административной и родоплеменной организации, отраженной в трехстороннем противостоянии кагана, бегов и народа (*бодун*), С. Г. Кляшторный продолжал разработку выводов А. Н. Бернштама [Бернштам 1946, с. 110, 111, 130–136, 137, 139, 146, 182]. С. Г. Кляшторный отмечал, что зафиксированные в памятниках древнетюркской письменности оппозиции кагана и бегов с одной стороны, и всех их, как знати, простому народу, с другой, «не стали в архаичных государствах древнетюркской эпохи зрелыми классовыми противоречиями. Фиксируя позиции традиционных сословий, они скорее отражают борьбу этих сословий за свою долю материальных благ, получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры» [Кляшторный 1983, с. 30–31; Кляшторный 1984, с. 145–147; Кляшторный 1986, с. 320–321; Кляшторный, Султанов 1992, с. 140–141; Кляшторный, Султанов 2000, с. 141, 142; Кляшторный, Савинов 2005, с. 151–152; Kljaštornyj 2000, p. 153–155, 172; см. также: Кляшторный 2003а, с. 471].

С. Г. Кляшторный подробно рассмотрел функции кагана, установив, что среди прочих главной из них было именно «собираение» и «устроение» народа на подвластной кагану земле, т. е. создание политической организации, системы подчинения [Кляшторный 2004¹, с. 101; Кляшторный 2003а, с. 243–244; Кляшторный 1979а, с. 99–100, 100–101. Ср.: Кляшторный 2003б, с. 119]. Каган мог считаться верховным собственником земли, но владения определялись им при поддержке знати [Кляшторный 1979а, с. 100].

В то же время С. Г. Кляшторный выделял высокую горизонтальную и социальную мобильность в древнетюркском обществе, где основную массу составляло свободное население — общинники *эры* [Васютин, Дашковский, 2009, с. 238]. Несомненно, будучи знаком с работами Л. Базена, первым обратившего внимание на возможность существования возрастных групп в древнетюркских обществах [Bazin 1974, p. 129], С. Г. Кляшторный сумел развить предположения французского коллеги.

В работах С. Г. Кляшторного нашел место и наиболее тщательный анализ проблем эксплуатации и форм социальной зависимости в древнетюркских обществах, об этом уже писалось [Тишин 2014, с. 98, 102, прим. 8]. Отметим лишь в очередной раз тот факт, что С. Г. Кляшторный четко показал, что как личные, так и коллективные формы социальной зависимости у древних тюрков были определены самим характером кочевого хозяйства и воспринимались в сознании кочевников одинаково, при этом личная зависимость не выходила за пределы т. н. домашнего рабства, где использовался, в основном, труд женщин.

¹ Первое издание статьи в 1977 г.

Именно выводы С. Г. Кляшторного могут справедливо считаться отправной точкой для всех последующих исследований в российской историографии.

В конце 80-х гг. XX в. на основе более ранних разработок С. Г. Кляшторный представил свою «общую концепцию этнической истории древнетюркских племен», где изложил свое видение ранних этапов тюркского этно- и глоттогенеза в общем контексте социально-политической истории Центральной Азии. Он попытался показать общую картину, как в течение длительного исторического периода неустойчивые племенные группировки, имевшие надэтническую основу, создавали эфемерные объединения под властью одного из них, создававшей своеобразную династию, но не выпадавшей из системы племенных единиц [Кляшторный, Султанов 1992, с. 80–85; Кляшторный, Султанов 2000, с. 78–82; Кляшторный, Савинов 2005, с. 85–89; Kljaštornyj 2000, p. 146–149]. Однако, именно попытка выделить здесь определенные этапы с характеризующими признаками их социально-политической организации позволяют видеть сохранение во взглядах влияния формационного подхода [Васютин, Дашковский, 2009, с. 249].

С одним из таких этапов — «этапом архаичных империй», соответствующим, согласно С. Г. Кляшторному, раннему средневековью — связан древнетюркский период истории Центральной Азии (VI–X вв.), начинающийся именно с момента создания Тюркского каганата, в котором нашли воплощение единые для всех кочевников Центральной Азии элементы политической культуры [Кляшторный 2003б, с. 119]. По мнению С. Г. Кляшторного, «тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы» [Восточный Туркестан 1992, с. 131; Кляшторный, Султанов 1993, с. 88; Кляшторный, Султанов 2000, с. 85–86; Кляшторный, Савинов 2005, с. 92; Кляшторный 2003а, с. 434].

В свое понимание *империи* С. Г. Кляшторный вкладывал следующее значение: «*полиэтнические образования*, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей империи», при этом при их создании «завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом». Завоевание происходило в два этапа: вначале идет объединение степных племен под властью одной династии и одного племени, после чего эти силы направляются на то, чтобы поставить в зависимость от себя «области и государства с более сложным устройством и более многообразной

хозяйственной деятельностью», что приводит к установлению даннической зависимости или иных форм политического подчинения. «Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи» [Васильев, Горелик, Кляшторный 1993, с. 33 сл.; Кляшторный, Савинов 2005, с. 9–10; Кляшторный 2003б, с. 122].

С расширением методологической базы С. Г. Кляшторный сформулировал также собственный взгляд на механизмы политогенеза у кочевников Центральной Азии. Попытки коллег усмотреть во взглядах С. Г. Кляшторного мнение о внешнем факторе развития государственности [Васютин, Дашковский, 2009 с. 255] требуют некоторых оговорок.

В ряде работ советского периода склоняясь к пониманию уровня социально-политического развития кочевнических обществ как раннеклассового, в разделе для сводной работы «История древнего мира», посвященном хуннской державе, С. Г. Кляшторный охарактеризовал политическое образование хуннов как «примитивное государство» [История древнего мира 1989, с. 246]. В публикации 1993 г. С. Г. Кляшторный прямо указал, что разделяет выводы Е. И. Кычанова о раннегосударственном характере кочевнических политических объединений [Кляшторный 1993, с. 140, прим. 1]. На лекции, прочитанной 24 марта 1998 г. в Казани, С. Г. Кляшторный выступил с мнением о внешних факторах формирования государства у кочевников на примере хуннов [Ахсанов 1999, с. 25–26], а в монографии 2005 г. он, в целом оставаясь на прежних позициях, опять же на примере хуннов отказался от самостоятельного решения проблемы общественного строя и движущих сил развития государственности у кочевников, приведя две полярные точки зрения (Т. Дж. Барфилда и Е. И. Кычанова) [Кляшторный, Савинов 2005, с. 29–30]. Однако в статье 2003 г., характеризуя объединение хуннов, он писал: «Последним, хотя бы предельно схематично, как относительно простые единицы социального и квазиполитического устройства, обозначаемые в современной социальной антропологии термином “вождество”, трансформировались в то состояние, которое мы обозначаем термином “раннее государство”, а применительно к обозначенным месту и времени — термином “архаичная империя”, объединенная силой или угрозой силы и сама состоящая из раннегосударственных образований и вождеств» [Кляшторный 2003б, с. 115]. Уже в публикации 2009 г. ученый отметил важную роль в сложении кочевнической государственности внутренних факторов, таких как возрастающая абсолютизация ханской власти, основанная на идеологии о божественных функциях кагана, развитии военизированной структуры административной и политической организации кочевнических объединений [Кляшторный 2009].

На пленарном заседании Ежегодной научной сессии ИВР РАН «Письменное наследие востока как основа классического востоковедения. К 195-летию (1818–2013) Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН» 04.12.2013 С. Г. Кляшторный, вновь повторив свои взгляды в докладе «Становление тюркской государственности и миграционные процессы в степной Евразии», отметил, что в этот период («этап архаичных империй») в отношениях кочевых империй и оседло-земледельческих государств основную роль играли именно основанные на силе кочевнических политических образований вымогательские и даннические отношения, нежели мирные отношения пограничной торговли и обмена. В последовавшем обсуждении доклада, отвечая на наш вопрос, когда мы попросили ученого конкретизировать свою позицию, С. Г. Кляшторный особенно подчеркнул формулировку «на определенном этапе». Это была наша последняя встреча.

Всю жизнь посвятив изучению памятников древнетюркской рунической письменности, уникального источника, созданного кочевническим народом и не имеющего аналогов в истории Степи, С. Г. Кляшторный пришел к мнению о возможности говорить об особой «древнетюркской цивилизации» с присущими ей признаками материальной и духовной культуры (прежде всего, собственная письменность), а также формами социальной и политической организации [Кляшторный 1987; Кляшторный 2003а, с. 490–496; Kļjaštornij 2000, p. 160–170]. И именно исходя из этих соображений сегодня видится наиболее продуктивным строить методологию исследования социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.

Библиография:

1. Ахсанов 1999: *Ахсанов К. Г.* Проблема становления государственности тюрко-кочевников в домонгольский период в отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999.
2. Бернштам 1946: *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946.
3. Васильев, Горелик, Кляшторный 1993: *Васильев Д. Д., Горелик М. В., Кляшторный С. Г.* Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды: Мат-лы научн. конф. Казань, 1993. С. 33–44.
4. Васютин, Дашковский 2009: *Васютин С. А., Дашковский П. К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2009.
5. Восточный Туркестан 1992: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992.
6. Грач 1966: *Грач А. Д.* Хронологические и этнокультурные границы древне-тюркского времени // Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966. С. 188–193.

7. История древнего мира 1989: История древнего мира. Изд. 3-е, испр. и доп. Кн. III. Упадок древних обществ. М., 1989.

8. История СССР 1939: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. III–IV. История СССР в период крушения рабовладельческого строя и возникновения феодализма. М.; Л., 1939.

9. Итс, Кляшторный 1965: Итс Р. Ф., Кляшторный С. Г. [Рец. на] «История Тувы». М. «Наука». 1964. Тираж 8 000. Т. I. 401 стр. Цена 1 руб. 67 коп.; Т. II. 455 стр. Цена 1 руб. 76 коп. // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 159–163.

10. Кляшторный 1964: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

11. Кляшторный 1973: Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.) // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П. М. Мелиоранского. М., 1973. С. 254–264.

12. Кляшторный 1978: Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии (Тэс, Гурвалжин-Ула, Хангита-хат, Хэнтэй) // Тюркологический сборник. 1975. Памяти С. Е. Малова. М., 1978. С. 151–158.

13. Кляшторный 1979а: Кляшторный С. Г. О собственности на землю в тюркском каганате // Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдские чтения 1975 г. М., 1979. С. 97–101.

14. Кляшторный 1979б: Кляшторный С. Г. Эпиграфические работы в Монголии // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 597–598.

15. Кляшторный 1980: Кляшторный С. Г. Современные проблемы исследования памятников древнетюркской письменности // Проблемы современной тюркологии: Мат-лы II Всесоюз. Тюркол. конф. 27–29 сентября 1976. Алма-Ата, 1980. С. 318–324.

16. Кляшторный 1983: Кляшторный С. Г. Социальные категории древнетюркского общества в памятниках рунической письменности Киргизии // Культура и искусство Киргизии: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. 3–6 июня 1983 г. Вып. 2. Л., 1983. С. 30–31.

17. Кляшторный 1984: Кляшторный С. Г. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Востоковедение. 9. Филологические исследования. Ученые записки ЛГУ. № 412. Сер. востоковедческих наук. 1984. Вып. 25. С. 143–153.

18. Кляшторный 1986: Кляшторный С. Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э.) // Рабство в странах Востока в Средние века. М., 1986. С. 312–339.

19. Кляшторный 1987: Кляшторный С. Г. Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // Советская тюркология. 1987. № 3. С. 58–62.

20. Кляшторный 1993: Кляшторный С. Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 139–147.

21. Кляшторный 2003а: Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

22. Кляшторный 2003б: Кляшторный С. Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызстанской государственности. Документы, исследования, материалы. Бишкек, 2003. С. 115–125.

23. Кляшторный 2004: *Кляшторный С. Г.* Образ кагана в орхонских памятниках // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 100–103.
24. Кляшторный 2009: *Кляшторный С. Г.* Имперская традиция в древнетюркской цивилизации // Научный Татарстан. 2009. № 1. С. 59–63.
25. Кляшторный, Колесников 1988: *Кляшторный С. Г., Колесников А. А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата, 1988.
26. Кляшторный, Ромодин 1970: *Кляшторный С. Г., Ромодин В. А.* Изучение истории тюркских народов в АН СССР // Тюркологический сборник. 1970. М., 1970. С. 148–162.
27. Кляшторный, Султанов 1992: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.
28. Кляшторный, Султанов 2000: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
29. Кляшторный, Савинов 2005: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
30. Тишин 2014: *Тишин В. В.* К проблеме форм эксплуатации и социальной зависимости в древнетюркской среде VI–XI вв.: историографический аспект // Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С. 93–107.
31. Толстов 1938: *Толстов С. П.* Тирания Абура (Из истории классовой борьбы в Согдиане и тюркском каганате во второй половине VI в. н. э.) // Исторические записки. 1938. Вып. III. С. 3–53.
32. Толстов 1948: *Толстов С. П.* Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
33. Юдин 2001: *Юдин В. П.* Рецензия на «Древнетюркские рунические памятники...» С. Г. Кляшторного // *Юдин В. П.* Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 271–285.
34. Bazin 1974: *Bazin L.* Les calendriers turcs anciens et medievux. Lille, 1974.
35. Kljaštornyj 2000: *Kljaštornyj S. G.* Les Points Litigieux dans l'Histoire des Turcs Anciens // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period. Berlin, 2000. P. 146–176.

Vladimir V. Tishin

THE WORKS OF S. G. KLYASHTORNY AND SOME QUESTIONS OF THE SOCIAL HISTORY OF THE TÜRK QAGHANATE OF 6TH–8TH CENTURIES

Abstract: The article deals with the attempt to overview the research of some problems of the social history of the Türk Qaghanate of 6th–8th centuries and the Ancient Türkic period (6th–9th centuries) on the whole discussed in works of Sergey Grigoryevich Klyashtorny. Particular attention is paid to the transformation of the Soviet/Russian researcher's views on the features of the sociogenetic and politogenetic processes of the early nomads of Inner Asia.

Keywords: Sergey Grigoryevich Klyashtorny, Early Türks, Türk Qaghanate, social history, historiography, monuments of Old Türkic runic writing, nomadism